

И мнѣ кажется, что въ день Рождества Христова мы не можемъ пожелать для себя ничего лучшаго, — какъ только одного — всегда помнить и чувствовать излившуюся на насъ черезъ Христа любовь Божію.

Рождество Христово — праздникъ дѣтей, потому что Виновникъ этого праздника — Христосъ-Младенецъ.

Но вѣдь и всѣ мы, взрослые и старики, тоже дѣти Божіи, — и намъ слѣдуетъ молиться въ этотъ день, чтобы Господь укрѣпилъ въ нашихъ сердцахъ это сознаніе и чувство нашего сыновства.

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

Храмъ и градъ*)

Введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы зрится мнѣ въ образѣ торжественнаго шествія вслѣдъ за Нею, со свѣщами вѣры, и къ этому шествію присоединяются въ вѣкахъ всѣ народы, какъ и мы нынѣ къ нему присоединяемся. Но этотъ образъ восполняется для меня еще и другимъ, дальнѣйшимъ, — исхожденія изъ храма въ него входящихъ, также со свѣщами, возженными уже отъ огня церковнаго, на стогна града, на его дѣланіе. Умѣстно въ этотъ день празднованія Храма остановиться мыслию именно на взаимоотношеніи того, что совершается въ храмѣ и внѣ храма.

Введеніе пресв. Богородицы означаетъ, прежде всего, Ея удаленіе отъ міра съ его скверною, въ жилище Божіе, для общенія съ ангелами и предстоянія Богу, «воспитанія во Святая Святыхъ». Оно есть въ этомъ смыслѣ зовъ отъ міра съ его суетою и грѣхами въ храмъ и обитель души своей для богомыслія и молитвы: «горѣ имѣемъ сердца!» Однако, помимо этого религиозно-аскетическаго смысла, вхожденіе во храмъ пресв. Богородицы, по ученію Церкви, имѣетъ и сокровенно-таинственное значеніе. Оно оз-

начаетъ охрамленіе храма, которое есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и его упраздненіе. Сама Богородица явилась здѣсь истиннымъ нерукотворнымъ храмомъ, ибо въ Нее вселился св. Духъ, и Она во чревѣ Своемъ вмѣстила невмѣстимаго Бога-Слово. Ея явленіе въ ветхозавѣтномъ храмѣ, который имѣлъ лишь «тѣнь будущихъ благъ, а не самый образъ вещей» (Евр. 10. 1), было уже исполненіемъ этого образа, но тѣмъ самымъ и упраздненіемъ этого ветхозавѣтнаго храма. Церковная завѣса раздралась, явно обличивъ это упраздненіе, когда со креста сказано было: «совершишася», но оно произошло уже тогда, когда «Дѣва со славою вниде во Святая Святыхъ». Явился въ мірѣ живой, нерукотворный храмъ — **человѣкъ**, о которомъ и говорится Духомъ Святымъ: «развѣ вы не знаете, что вы храмъ Божій», и этотъ «храмъ Божій святъ, а этотъ храмъ — вы» (Кор. 3. 10-11)? «не знаете ли, что тѣла ваши — храмъ Св. Духа» (6. 19)? Небо приклонилось къ землѣ, и она явилась храмомъ въ человѣкѣ. Ветхозавѣтный храмъ былъ единственнымъ мѣстомъ на землѣ, гдѣ человѣкъ встрѣчался съ Богомъ, во Святомъ Святыхъ: «надъ крышкою я буду являться въ облакѣ» (Лев. 16. 2), — мѣстомъ, гдѣ человѣкъ могъ принести жертву Богу, доколѣ она не была отмѣнена жертвой Христовой (Евр. 10. 9-10, 12). Новозавѣтная церковь, которая призвана къ поклоне-

*) Въ этомъ очеркѣ воспроизведено по памяти основное содержаніе рѣчи, сказанной въ день Введенія во храмъ 1930 г., на годовомъ праздникѣ Христ. Студ. Движенія.

нію не на горѣ сей и не въ Іерусалимѣ, не въ какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ, но «въ духѣ и истинѣ» (Іо. 4. 21-23), уже не знаетъ храма въ ветхозавѣтномъ значеніи. Она также имѣетъ храмы, но они уже не приурочены къ опредѣленному мѣсту, и ихъ неопредѣленная множественность также ограничиваетъ ихъ значеніе въ сравненіи съ храмомъ ветхозавѣтнымъ въ его единственности. Храмъ для насъ не есть «скинія свидѣнія», но мѣсто общей молитвы («синагога») 1) и совершенія таинствъ. И — сказать ли? — храмъ этого храма, въ престолѣ и въ антиминсѣ, являются св. мощи, т. е. человѣкъ. На мощахъ святыхъ совершается святѣйшее таинство съ временъ древнѣйшихъ. И какъ ни важенъ храмъ и для новозавѣтнаго, христіанскаго благочестія, но онъ не занимаетъ въ немъ того мѣста, которое свойственно было храму ветхозавѣтному: разрушеніе послѣдняго явилось и концомъ ветхозавѣтной церкви. Нынѣ враги христіанской вѣры разрушаютъ храмы, доставляя этимъ великую скорбь и боль христіанамъ. Но могутъ ли они разрушить истинный новозавѣтный храмъ, — самого человѣка, сердце его, которое есть истинный престолъ Божій? Этотъ христіанскій храмъ недоступенъ для разрушенія христоразрушителей. Первенствующая церковь не могла еще имѣть своихъ храмовъ, но оттого она не менѣе сіяетъ пасхальной радостью для всей христіанской исторіи.

Но не только въ первенствующей церкви, которая есть историческій образъ рая на этой омраченной землѣ, но и въ подлинномъ саду Божіемъ, въ раю, не было храма, ибо весь рай былъ храмомъ, куда Богъ приходилъ для общенія съ человекомъ (Быт. 2. 15-22), гдѣ прародители могли слышать «голосъ Господа, ходящаго въ раю во время прохлады дня» (3. 8). И что еще болѣе значительно.

1) «Синагога» — (греч.) общее собраніе, «схождение вмѣстѣ». Ред.

нѣтъ храма и въ святомъ градѣ Іерусалимѣ, сходящемъ съ неба на землю, въ полноту времени, согласно видѣнію Тайнозрителя: «И услышалъ я громкій голосъ съ неба, говорящій: се скинія Бога съ челоуѣками, и Онъ будетъ обитать съ нами» (Апок. 21. 3.). «Храма же я не видѣлъ въ городѣ, ибо Господь Богъ Вседержитель — храмъ его и Агнецъ» (21. 22). Вся жизнь будетъ исполнена боговидѣнія, когда «будетъ Богъ все во всемъ» (1 Кор. 15. 28). Посему храмъ и храмовое благочестіе имѣютъ лишь переходящее условное значеніе, которое минуетъ тогда, когда вся жизнь человѣческая станетъ исполнена духа и силы.

Когда мы думаемъ о вхожденіи въ храмъ для того, чтобы тамъ укрѣпляться духовно молитвою и благодатными дарами Церкви, мы должны помнить и объ исхожденіи изъ него, ибо христіанское благочестіе не кончается за порогомъ храма, напротивъ, оно здѣсь-то по новому и начинается. Міръ есть не только мѣсто грѣха и растлѣнія, но онъ есть и нива Божія, на которой, вмѣстѣ съ плевелами, произрастаетъ и добрая пшеница, и хозяинъ хочетъ отъ насъ честнаго и полного использованія всѣхъ данныхъ намъ талантовъ, — христіанскаго творчества. Вдохновеніе добра, получаемое въ храмѣ, должно быть приносимо и въ жизнь внѣ храма, чтобы и она становилась соотвѣтственной храму. «Оцерковленіе» жизни, о которомъ, такъ часто среди насъ говорится, и есть это снятіе границъ между храмомъ и жизнью, которыя иногда считаются непреложными. Свѣтомъ вѣчности, который загорается въ душахъ нашихъ въ храмѣ, мы должны озарять и текущее время, человѣческую жизнь, которая можетъ, а слѣдовательно, и должна стать жизнью церковною, Градомъ Божіимъ. Все живое обладаетъ способностью самопроизвольнаго движенія, и насколько христіанство есть жизнь, оно есть и движеніе, движеніе по звѣздамъ вѣчности. И если мы говоримъ о

себѣ, какъ о «христіанскомъ Движеніи», то совершаемъ нѣкоторое тожесловіе, потому что нельзя оставаться неподвижнымъ въ христіанствѣ. Оно должно быть вдохновеннымъ порывомъ, творческимъ движеніемъ, устремленіемъ изъ храма за храмъ, къ будущему, которое есть, согласно христіанскимъ обѣтованіямъ, явленіе «новаго неба и новой земли, въ нихъ же правда живетъ». Къ этому исходу и исполненію стремится міръ, и

христіанская церковь движется навстрѣчу къ Грядущему Христу. И напряженностью и искренностью этого движенія опредѣляется дѣйствительная мѣра и нашего вхожденія въ храмъ, нашей храмовой церковности, которая ищетъ излиться на весь міръ и затопить его въ этомъ разливѣ. Да будетъ же наше «Движеніе» причастно этому всехристіанскому движенію!

Протоіерей С. Булгаковъ.

Этюды о русской культурѣ.

ЭТЮДЪ I. — БЛОКЪ И РОССИЯ.

(Эсхатологія любви).

Философія культуры и исторіи съ трудомъ переносятъ отвлеченныя умствованія, хотя бы самыя оригинальныя и острыя. Здоровый инстинктъ полноты бытія вызываетъ жгучую потребность въ конкретностяхъ и лишь воплощенныя идеи владѣютъ сердцами и умами въ полной мѣрѣ. Задумавъ рядъ краткихъ этюдовъ о сущности и судьбахъ русской культуры, мы рѣшили исходить изъ живыхъ образовъ, выражающихъ ея судьбы и боренія, изъ ея подлинныхъ дѣйствующихъ лицъ — *personae dramatis*. Въ силу совершенно особыхъ, въ значительной своей части, сверхразумныхъ причинъ пять человѣкъ оказались носителями и живыми олицетвореніями послѣднихъ судебъ дореволюціонной русской культуры: Достоевскій, Федоровъ, Лѣсковъ, Чайковскій, Блокъ*). Мы нач-

немъ съ послѣдняго, такъ какъ здѣсь еще все современно, такъ какъ здѣсь свѣжая рана, изъ которой безпрестанно сочится кровь.

Мы сразу начинаемъ съ существа дѣла. Мы ставимъ вопросъ: кого видѣлъ Блокъ въ образѣ Прекрасной Дамы и гдѣ корни его софіологической (истинной или ложной) символики?

Давно можно считать установленной непререкаемость непосредственнаго вліянія въ этой области Вл. Соловьева на Блока. Однако, заключать изъ наличности этого вліянія о тождествѣ символическихъ образовъ Вл. Соловьева и А. Блока было бы болѣе чѣмъ произвольно. Біографическія изслѣдованія говорятъ намъ только объ одномъ: — эротическая стихія у обоихъ является живымъ вдохновителемъ символики. Совсѣмъ другое дѣло образъ. Образы изначально и ниоткуда не могутъ быть выведены. Они — дѣло рукъ Творца или той стороны человѣка, которой онъ своимъ творчествомъ уподобляется Творцу. Об-

*) Достоевскій проводитъ въ своемъ творчествѣ идею революціоннаго надрыва, трагическаго конфликта — личнаго и соціально-государственнаго. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ здѣсь является многоликая свобода. Трагическая діалектика свободы — это основная тема философіи русской исторіи и культуры, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и основная тема Достоевскаго — величайшаго русскаго философа. Федоровъ являетъ образъ просвѣтленной соціальной эсхатологіи въ духѣ эзотерическаго православія живущаго въ тайникахъ русскаго духа. Лѣсковъ — поэтъ священнаго русскаго быта и его мытарствъ, поэтъ

творимой легенды русской жизни. Чайковскій — отразилъ идею рока и смерти въ прекрасномъ образѣ приговоренной къ смерти дворянской культуры. Блокъ — символическое олицетвореніе трагической эротики, безъ которой нѣтъ культуры. Тема Блока — связана съ темой смерти и рока.